

АЛЕКСАНДР РАЗУМИХИН

ЯРМАРКА НЕБЕСТ

Существует распространённое мнение, что творческие люди в душе непременно словно дети. Но даже они, наступает время, приходят к мысли, что надо жениться, остепениться, выкинуть дурь из головы, стать благоразумными. Сколько можно оставаться скитальцем, одиноким, без семьи? Нет сомнений в том, что пёстрая любовная мозаика и самому Александру Сергеевичу не была в великую радость. Ну, ловелас, ну, бабник, вон какой длины “донжуанский список”, так ведь и тот далеко не полный, – с него что, в душе покоя и улады прибыло? А ведь давно не мальчик. Уже и юность вроде бы миновала.

Где, какие куранты, брегет или ходики отзвонили, но “полдень мой настал”, – сказал сам себе Пушкин и решил, что пора ему, наконец, “заклечь в объятия свой” женщину, отношения с которой будут освящены законным браком. Конечно, эпоха была чувственная и одновременно, если судить-рядить жёстко, позволительно даже признать, что почти без морального чувства. Вернее, мораль, конечно, присутствовала. Однако с точки зрения общепринятых ныне (хотя и редко соблюдаемых) понятий о ней нападать на Пушкина мы ведь не станем. Но и ограничивать себя разговором о рисунке времени и нравах, ему характерных, тоже не будем.

Первые мысли о женитьбе, и весьма решительные, появляются у него осенью 1826 года в Москве. В результате у Пушкина начинается длительный – четырёхгодичный – период уже не просто любовных, а брачных страданий. Почему страданий? Потому что, с одной стороны, вряд ли можно череду из шести предложений руки и сердца в течение четырёх лет объяснить какой-то страстной любовью. Но, с другой стороны, только дети верят в то, что браки заключаются исключительно из романтических соображений. Жизнь есть жизнь. Все шесть предпринятых попыток сватовства окончились ничем. И только седьмая, повторная, попытка, когда он вновь сватался к Наталье Гончаровой, побоюсь сказать, что оказалась удачной, завершилась бракосочетанием.

Первой, к кому он сватался, была Софья Фёдоровна Пушкина (дочь бывшего воронежского губернатора Фёдора Алексеевича Пушкина и Марии Ивановны (урождённой Оболенской). Милая 20-летняя девушка. Увидел её в Москве. Вышло всё как-то скоропалительно. В доме Вяземских случилось у Пушкина шапочное знакомство с пушкинским приятелем Василием Петровичем Зубковым. Тот был женат на сестре Софьи Пушкиной – Анне Фёдоровне. В его доме поэт, скорее всего, Софью Фёдоровну и увидел. Только и знал, что она то ли его дальняя родственница, то ли однофамилица, которую после

смерти матери (отец умер пятью годами ранее) взяла к себе на воспитание Екатерина Владимировна Апраксина, жена известного в Москве своим широким образом жизни С. С. Апраксина и родная сестра князя Д. В. Голицына, Московского военного генерал-губернатора.

Увидел и с первого взгляда в неё влюбился. Впрочем, можно сказать и по-другому – мгновенно загорелся. Наносится несколько визитов в дом на Малой Никитской, 12, где Зубков снимал квартиру. Далее следует обращение к новому приятелю с просьбой стать посредником в переговорах и сватовстве его с Софьей. От знакомства до сватовства две недели. Но предложение недавнего отшельника, ставшего всеобщим кумиром, по которому сходит с ума вся Москва, не принято – Пушкин получает отказ.

Сопоставим: 8 сентября по приезде в Москву из Михайловского – аудиенция у царя, и уже в том же сентябре – знакомство с Софьей, спустя две недели – отказ. 1 ноября раздражённый Пушкин пишет прощальную записку Зубкову:

“...злой рок мой преследует меня во всём том, чего мне хочется. Прощай же, дорогой друг, – еду похоронить себя в деревне до первого января, – уезжаю со смертью в сердце”.

Считается, что Пушкин был суеверен. А главное, он сам искренне полагал, что не бывает дыма без огня, и коли народные поверья из века в век передают некие житейские приметы, пусть даже называемые людьми суевериями, прислушиваться к ним нужно. Всякий раз, как в романе “Евгений Онегин” читаю известные строки:

*Татьяна верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны.
Её тревожили приметы;
Таинственно ей все предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствия теснили грудь... —*

я вспоминаю не свидетельства пушкинских современников М. П. Погодина, Сергея Соболевского, Василия Щербакова, брата Веневитинова, племянника Л. Н. Павлицева, друга Владимира Даля, жены Павла Нащокина Веры, что на протяжении всей жизни поэта они встречали следы его суеверности, а этот текст записки, в которой присутствуют слова “злой рок”, “еду похоронить себя”, “уезжаю со смертью в сердце”. Словно он, искушая судьбу, сам на себя накликает смерть.

Первое сватовство – и такая реакция. Понятно, поэт ради красного словца способен и не такое сказать. Но тут уже вроде как за пределами адекватного отношения к слову. Пушкин же цену ему знает. Что прекрасно видно из того, какое отражение сватовство к Софье Пушкиной находит в трёх других текстах, написанных тогда же Александром Сергеевичем, – двух поэтических и одном эпистолярном.

Две недели увлечения Софьей подарили нам два пушкинских стихотворения. Одно – “Ответ Ф. Т.”, больше известное по первой строчке “Нет, не черкешенка она...” Написано безальтернативно о С. Ф. Пушкиной. На сей счёт нет никаких иных мнений. К кому обращено стихотворение, документально не установлено. Но все сходятся на том, что, возможно, к Фёдору Толстому, с которым Пушкина помирили друзья после возвращения поэта в Москву. Стихотворение стало как бы “продолжением” некоего разговора Пушкина с Толстым о Софье Фёдоровне. Датируется стихотворение серединой сентября – октябрём или двадцатыми числами декабря 1826 года. Принципиальной разницы, когда именно оно написано, здесь нет.

Ей же посвящено второе стихотворение – “Зачем безвременную скуку...” А вот тут нашему взору открывается премилая загогулина, иной раз встречаемая у поэтов (Пушкин не был ни первооткрывателем, ни исключением из “правила”). Впервые стихотворение увидело свет в “Московском вестнике” в 1827 году. Позже, в сборнике 1829 года, напечатано с датой “1821”. Однако известно, что в черновом рукописном виде стихотворение появилось

в 1820 году (1 ноября 1826 года в Москве Пушкин вновь обратился к нему и “обработал” — написал чистовик). Объяснение разноголосице в датах есть, и самое банальное. Первоначально стихотворение было “посвящено” кому-то из Раевских — Елене или Екатерине, впрочем, лирическое стихотворение могло вести свою родословную от обеих сразу. “Посвящено”, но ведь не опубликовано, а потому оставалось в виде черновика как бы ничьим. В 1826 году, когда сватался к Софье Пушкиной, поэт вспомнил о “бесхозной” безделушке и переадресовал её своей однофамилице.

Здесь является повод ещё раз порассуждать об отличиях лирического стихотворения от дневниковой записи в стихотворной форме с рифмами или без них. Но куда продуктивней будет сопоставить пушкинские стихи с пушкинской эпистолярной прозой. Уехавший “похоронить себя в деревне до первого января” уже 1 декабря из псковской гостиницы пишет В. Зубкову письмо. Можете представить себе лист плотной почтовой сероватой бумаги большого формата, без водяных знаков, с золотым обрезом (он именно таковой в реальности), на котором расположились французские буквики, выписанные пером поэта:

“Дорогой Зубков, вы не получили письма от меня, и вот этому объяснение: я сам хотел 1 декабря, т. е. сегодня, прилететь к Вам, как бомба, так что выехал тому пять-шесть дней из моей проклятой деревни на перекладной, ввиду отвратительных дорог. Псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня. У меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать. Взбешённый — я играю и проигрываю. Но довольно: как только мне немного станет лучше, буду продолжать мой путь почтой.

Ваши два письма прелестны. Мой приезд был бы лучшим ответом на размышления, возражения и т. д. Но так как я, вместо того, чтобы быть у ног Софи, нахожусь на постоялом дворе во Пскове, то поболтаем, т. е. станем рассуждать.

Мне 27 лет, дорогой друг. Пора жить, т. е. познать счастье. Вы мне говорите, что оно не может быть вечным: прекрасная новость! Не моё личное счастье меня тревожит, — могу ли я не быть самым счастливым человеком с нею, — я трепещу, лишь думая о судьбе, быть может её ожидающей, — я трепещу перед невозможностью сделать её столь счастливою, как это мне желательно. Моя жизнь, такая доселе кочующая, такая бурная, мой нрав неровный, ревнивый, обидчивый, раздражительный и, вместе с тем, слабый, вот что внушает мне тягостное раздумье.

Следует ли мне связать судьбу столь нежного, столь прекрасного существа с судьбою до такой степени печальною, с характером до такой степени несчастным? — Боже мой, до чего она хороша! И как смешно было моё поведение по отношению к ней. Дорогой друг, постарайтесь изгладить дурное впечатление, которое оно могло на неё произвести.

Скажите ей, что я разумнее, чем имею вид, и доказательство тому — что тебе в голову придёт. Мерзкий этот Панин: два года влюблён, а свататься собирается на Фоминой неделе, — а я вижу её раз в ложе, в другой — на бале, а в третий сватаюсь! Если она полагает, что Панин прав, она должна думать, что я сошёл с ума, не правда ли? Объясните же ей, что прав я, что увидев её — нельзя колебаться, что, не претендуя увлечь её собою, я прекрасно сделал, прямо придя к развязке, что, полюбив её, нет возможности полюбить её сильнее [моего], как невозможно впоследствии найти её ещё прекраснее, ибо прекраснее быть невозможно... Ангел мой, уговори её, настрай её Паниным скверным и жени меня!

А. П.”

Что видно из этого письма? Вроде бы окончательной надежды он ещё не потерял. Пытается объяснить собственные чувства. Или своё поведение? Для меня вопрос в другом: что им движет — любовь или желание, чтобы его женили? Ответить за него никому не дано. И главное — как далеки друг от друга пушкинские строки лирические и житейско-бытовые. В прямом смысле небо и земля!

Московские кумушки по поводу ухаживания Пушкина за Софьей Пушкиной судачили вплоть до 1829 года. Не будем же мы уподобляться им. Факт остаётся фактом: сначала Пушкин решил жениться, потом решил влюбиться, однако попытка ошеломить девушку решительным наскоком не сработала. Ничего особо необычного в подобном “способе” решить “поставленную задачу”

не было. Но не сложилось. По довольно простой причине: у Софьи Фёдоровны уже был жених, некий Валерьян Александрович Панин, за которого она вскоре и вышла замуж. Буквально чуть ли не через месяц. Муж – всего лишь казначей Российского общества любителей садоводства, впоследствии станет смотрителем Московского вдовьего дома.

Была ли она с ним счастлива? Не ведаю, знаю лишь, что прожила в браке 45 лет и были в семье три сына и дочь. Какой Софья Фёдоровна стала в старости? Тоже не ведаю. Но знаю, что в пору сватовства поэта была “одна из первых московских красавиц, стройная и высокая ростом, с прекрасным греческим профилем и чёрными, как смоль, глазами, очень умная и милая девушка”, – вспоминала её современница Е. П. Янькова. Впрочем, бабушка Елизавета Петровна (урождённая Римская-Корсакова), как говорится, соврёт – недорого возьмёт. Потому что можно встретить и иное видение: мол, Софья Фёдоровна была маленькая, нежная, хорошенькая блондинка, напоминавшая хрупкую куколку из саксонского фарфора. Из чего можно сделать вывод, что воспоминания, как Восток, – дело тонкое.

Следующей, к кому сватался Пушкин, была Александра Римская-Корсакова, дочь М. И. и А. Я. Римских-Корсаковых. Новое сватовство происходит всё в том же 1826 году. Так что между первой и второй попыткой сватовства промежуток небольшой.

В “донжуанском списке” Пушкина имя “Александра” фигурирует дважды. Первый раз – на четвёртой позиции во втором столбце. Традиционно принимается как факт, что в данном случае имеется в виду падчерица П. А. Осиповой, возлюбленная её сына А. Н. Вульфа, в 1833 году вышедшая замуж за П. Н. Беклешева (ей посвящено стихотворение “Признание” – “Я вас люблю, хоть я бешусь...”).

Второй раз имя “Александра” стоит на 17-й позиции (пишущие о донжуанском списке часто почему-то обозначают его под № 15, хотя оно предпоследнее во втором столбце, в котором 18 имён, а не 16 как в первом). По поводу этого имени существуют разногласия. Одни полагают, что поэт имел в виду Александру Смирнову-Россет, другие предпочитают подразумевать как раз Александру Александровну Римскую-Корсакову (Алина, Александрина, Сашенька). В феврале 1832 года она станет женой корнета кавалергардского полка князя Александра Николаевича Вяземского, младшего сына князя Николая Семёновича Вяземского от брака с Александрой Петровной Римской-Корсаковой.

Брак её оказался несчастлив. Поговаривали, что виной тому была сама Александра Александровна. Видимо, не без оснований. Во всяком случае, отец жениха противился этому браку и называл Сашеньку “болезненной старой девкой, привередницей, каких мало”. Александра Александровна и впрямь хозяйкой оказалась плохой, имела злой нрав, допекала окружающих своей чрезмерной брезгливостью. В браке у неё было три сына, все умерли в детстве. Сама она умерла почти умопомешанной в марте 1860 года.

Дом семьи Римских-Корсаковых и в обычное время отличался радушием. Так что оставить без внимания появление в Москве Пушкина было для хозяйки дома Марии Ивановны делом просто невозможным. 26 октября в честь поэта – недавнего изгнанника – она устраивает званый вечер. Событие (а вечер с Пушкиным, по меркам московских девиц на выданье и дам всех возрастов – событие вселенского масштаба) нашло отражение в дневнике приглашённой и присутствовавшей на нём Анны Григорьевны Хомутовой, имевшей обыкновенные записывать всё, что видела и слышала:

“К 8 часам я в гостиной у Корсаковой; там собралось уже множество гостей. Дамы разделись и рассчитывали привлечь внимание Пушкина, так что, когда он вошёл, все дамы устремились к нему и окружили его. Каждой хотелось, чтобы он сказал ей хоть слово... Я издали наблюдала это африканское лицо, на котором отпечатлелось его происхождение, это лицо, по которому так и сверкал ум”.

Славящаяся своим радушием и гостеприимством на всю Москву овдовевшая Мария Ивановна в Рязанской, Тамбовской и Пензенской губерниях имела огромные поместья и две с половиной тысячи душ крепостных... но вечно была в долгах. Казалось бы, они должны были её пыл бесконечных обедов, вечеров, балов, маскарадов, разных увеселений, зимой – санных катаний за городом, импровизированных завтраков хотя бы слегка притушить. Ан, нет!

Расходы расходами, но когда ты мать трёх сыновей и пяти дочерей (Варвара, Наталья, Софья, Екатерина и Александр), которых нужно выдавать за муж, поневоле будешь вести чрезмерно размахистый образ жизни и иметь вечно открытые для гостей двери дома даже ценой долгов “у целого города”. Впрочем, милое и безрассудное московское хлебосольство часто именно этой причиной и обосновывалось. А сама Марья Ивановна являла собой распространённый “тип московской барыни в хорошем и лучшем значении этого слова”. Князя Вяземского, которому принадлежит эта оценка, сложно заподозрить в необъективности.

Все сёстры Римские-Корсаковы считались в Москве красавицами. Разубеждать нынешнего читателя в том, что докатившиеся до нас суждения-слухи справедливы и правдивы, нет смысла. Если верить оценкам, звучащим в адрес современных кинозвёзд и див шоу-бизнеса, то все они сплошь красавицы, все без исключения сексуальны и обворожительны.

И вообще понятие “красивая женщина той поры” – понятие более чем условное. Если взглянуть на модные гравюры начала XIX века, то можно понять, что открывалось взору мужчины, когда он видел женщину на том же балу: максимум – лицо, шея и иногда плечи, в некоторых случаях – верхняя часть груди, искусно поднятая специальными ухищрениями. Такова была тогдашняя мода, в которой царствовали пышные (с кринолином) в форме колокола платья в пол, скрывающие всё и вся, да затянутая в корсет талия. Поэтому в мемуарах любое описание красивой женщины включало непременно: тонкая талия – значит, смогла утянуться до необходимого объёма, процедура, частенько оборачивавшаяся обмороками, и высокая грудь – хотя порой как раз та небольшая видимая часть и составляла реальный её размер. Даже руки были в перчатках. И мужчина, пригласивший женщину на танец, мог лицезреть лишь ту малую часть руки, что была выше длинной перчатки и ниже локтя. Но суждения общества были почти во всех случаях неизменными – красавица. Особенно если глаза и впрямь ещё не потухли и были хороши, а носик мил. Так что красивая женщина – это красиво одетая женщина. Но, как вы понимаете, богатые женщины и женщины богатых мужчин могли себе позволить красиво одеваться и делать красивые причёски.

Но примем как данность без преувеличения, что дочери Марьи Ивановны, бывшие душою и прелестью гостеприимного дома, красавицы «и особенно одна из них, намёками воспитая Пушкиным в “Онегине”», как напишет в воспоминаниях князь Вяземский.

“Одна из них” – это в адрес Александры:

*У ночи много звёзд прелестных,
Красавиц много на Москве,
Но ярче всех подруг небесных
Луна в воздушной синеве.
Но та, которую не смею
Тревожить лирою моею,
Как величавая луна
Средь жён и дев блеснит одна...*

Луноликая Сашенька, может, и выделялась среди сестёр, но в ту пору ей уже 23 года, и, по общепринятым понятиям, она давно считалась старой девой. Ранее у Александры был неудачный роман с графом Н. А. Самойловым. Дело как бы шло к свадьбе, но маменька жениха успела выбрать сыну другую невесту, с более весомым приданым. Сашенька от горя заболела “нервической горячкой”, спасалась от которой на Кавказских водах.

Кто повинен в этой несостоявшейся свадьбе, досужая Москва восприняла, как зачастую бывает, в полном соответствии с известной фразой: “То ли он украл, то ли у него украли – но была там какая-то неприятная история”. В результате женихи от Сашеньки отступили. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что, по описанию одной из современниц, Александра Римская-Корсакова была высока, стройна и сражала наповал прекрасными бархатными глазами. А ещё она пленяла истинно романтической бледностью и томностью, придававшими ей особенное очарование.

Объявившийся в Москве Пушкин хорошенькую Сашеньку заметил. Сегодня пишут, что он, естественно, был в неё влюблён, правда, неглубоко и недолго.

Хотя об их отношениях нам по сути ничего не известно. Разве что в 1827 году, когда Мария Ивановна с дочерью вновь отправлялась на Кавказские воды для лечения (они там пробыли целый год), Пушкин передал с ней письмо брату Льву, служившему в тех краях:

“Письмо моё доставит тебе М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Приезжай на Кавказ (имеется в виду из Грузии, где служил Лев. — А. Р.) и познакомься с нею — да прошу не влюбиться в дочь”.

Та поездка на Кавказ через какое-то время обросла фантастическими слухами, будто горцы сделали набег на ехавших от тёплых вод на кыские, и М. И. Корсакова была ограблена до рубашки, а её дочь и всех слуг похитили. Позже история приобрела совершенно конкретные детали, которые из Москвы и Петербурга всегда видятся невероятно реальными: в Александру Римскую-Корсакову страстно влюбился какой-то мусульманский князь с каспийских берегов, который сначала пожелал купить её, предлагая сразу же 300 тысяч рублей задатка, затем, не получив согласия, решил её похитить и, в конце концов, соизволил посвататься. Впрочем, когда “разобрались”, выяснилось, что не в меру пылким поклонником красавицы Алины оказался Шахмал Тарковский Мехти, дагестанский князь и генерал русской службы.

Современники и, прежде всего, современницы бурно обсуждали приключения русской девушки на Кавказе. Изящнее других смысл поразившего всех сюжета выразила Е. Н. Мещерская, дочь Е. А. Карамзиной, в письме П. Вяземскому:

“Слыхали ли Вы о похищении г-жи Корсаковой каким-то черкесским князем? Об этом здесь рассказывают, но не думаю, чтобы этот слух стоил доверия. Вы об этом должны знать больше, находясь ближе к Кавказу. — Если б это была правда, какой прекрасный сюжет для Пушкина как поэта и как поклонника...”

Екатерина Николаевна как в воду глядела. История и впрямь заинтересовала Пушкина. До нас дошёл план (1831) незавершённого им произведения “Роман на Кавказских водах”, сюжет которого был основан на слухах о похищении А. А. Римской-Корсаковой черкесами. В черновых набросках героиня именуется Алиной Корс-вой (Корсаковой), и дано описание её внешности: *“...девушка лет восемнадцати, стройная, высокая, с бледным прекрасным лицом и чёрными огненными глазами”.*

Жизненный роман с реальной Алиной Корсаковой у Пушкина тоже не вылился во что-то серьёзное. Их личные отношения не прервались, но в них произошла резкая перемена: было очевидно, что взаимное увлечение сошло на нет. Что или кто было тому причиной — не ясно, но ухаживание Пушкина и бросавшиеся в глаза всем посещения им дома Римских-Корсаковых оборвались. Принято считать, что имевшие место брачные переговоры завершились неудачей. Почему? Можно лишь гадать. В декабре 1828 года П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу:

“Пушкин ни в кого ещё не влюбился, а старые любви его немного отшатнулись. Вчера должен он был быть у Корсаковой, не знаю ещё, как была встреча”. А через месяц ему же сообщал: “Пушкин что-то во всё время был не совсем по себе. Не умею объяснить, ни угадать, что с ним было, но он не был в ударе. Постояннейшие его посещения были у Корсаковых и у цыганок; и в том, и в другом месте видел я его редко, но видал с теми и другими, и всё не узнавал прежнего Пушкина...”

В письме от 8 декабря 1831 года Пушкин сообщал жене: *“...А Корсакова выходит за князя Вяземского...”* Из чего можно предположить, что Натали была в курсе отношений Пушкина с “предшественницей”, что не удивительно: и Москва, и Петербург, как говорится, слухами полнятся.

Далее последовало драматичное ухаживание за Анной Олениной, дочерью президента Академии художеств и директора Императорской публичной библиотеки. Это увлечение, случившееся на берегах Невы, можно назвать серьёзным и длительным, чего нельзя сказать про его детективный и даже в чём-то анекдотический антураж.

“Положил глаз” на Анну Алексеевну Пушкин в начале мая 1828 года. После чего зачастил в петербургский дом Олениных и в их имение в Приютино. Всё лето продолжались совместные прогулки по заливу и Летнему саду. Сразу возникает вопрос: была это традиционная влюблённость или “любовь по расчёту”? Во всяком случае, на страсть было не похоже.

Он посвятил Анне Олениной несколько стихотворений. Он рисовал её профили на полях рукописей. Он даже прикидывал, как будет выглядеть имя его будущей супруги в сочетании с его фамилией: "Annette Pouchkine". Казалось бы, всё складывалось как нельзя более замечательно. Ведь и сама Анна Алексеевна, коей уже двадцать, всерьёз подумывает о замужестве. В своём дневнике она пишет:

"Сама вижу, что мне пора замуж: я много стою родителям, да и немного надоела им. Пора, пора мне со двора, хотя и это будет ужасно. Оставив дом, где была счастлива столько времени, я войду в ужасное достоинство жены!"

Однако, когда Пушкин завёл речь о женитьбе, от избранницы последовал решительный и тем более обидный отказ.

Хотя тут, надо признать, не всё так однозначно. Хранительницы музея в усадьбе Приютино уверяют, что влюблённый Пушкин так и не решился сделать предложение Анне Олениной.

А вот если верить петербургским легендам и преданиям, то версия финала любовных отношений Пушкина и Анны иная: якобы он получил согласие её родителей на брак, но опоздал к обеду, где хотели объявить о помолвке. И всё расстроилось. Сюжет несколько смахивает на историю с зайцем, который, по преданию, перебежал дорогу Пушкину, когда он выехал в Петербург при известии о восстании декабристов. Но в жизни, как известно, случается всякое.

Николай Скатов берётся утверждать, что дело обстояло совсем не так. Во-первых, Оленина не то чтоб была к нему совершенно равнодушной: двадцатилетняя красавица-фрейлина любила Пушкина-поэта, но влюблена она была в другого человека. Как в таких случаях говорят, её сердце принадлежало другому. Кому?! *"Зачем называть его, — напишет она в дневнике, — зачем вспоминать то счастливое время, когда я жила в мире идеальном?"* Так уж случилось, что выйти замуж по любви, о чём мечталось, не получилось.

А характером она была не из тех, кого одной волей родителей можно было отправить под венец. Более того, и матушка Анны Елизавета Марковна, и батюшка Алексей Николаевич относились к Пушкину настороженно. Хотя цену поэту старший Оленин знал. Но его одолевали сомнения, мотивы которых были очевидны. Пушкин не служил и не имел стабильного дохода, не владел землями и крепостными — когда ещё по наследству ему что-то достанется, и достанется ли. Среди возможных причин отказа Олениных пушкинист П. И. Бартенев называл так же секретный надзор, учреждённый за поэтом 28 июня 1828 года. О чём Оленин, как член Государственного совета, безусловно, знал.

При дворе прелестница Анна, изящная, грациозная, выделялась не только красотой, но и лёгким, игривым умом, влечением к искусствам, поэзии, наукам. Золотисто-русые волосы, маленькая ножка Анны Алексеевны вдохновляли поэтов, художников, скульпторов. Её учителями были Крылов и Гнедич, который посвятил ей стихи, назвал девочку "умной и милой Анет", похвалил "доброту её сердца и разума приятство".

Для Пушкина она стала олицетворением "юности и красоты". Пушкин покорял Оленину своим привычным "набором": стихами и умными разговорами. Однако в ответ находчивая девушка парировала шуточные реплики, словно бы дразня его и искушая. Из её дневника узнаём, что Аннет "с восторгом восхищалась его увлекательной поэзией". Ей льстило внимание поэта и его общество. Хотя нельзя сказать, что, с детства пребывая в кругу Карамзина, Блудова, Крылова, Гнедича, Брюллова, Батюшкова, Глинки, Мицкевича, Щедрина и иных великих современников, она таяла от одного имени Пушкина.

Удивительный феномен: они оба внимательно смотрели друг на друга. Можно даже признать, что Александр Сергеевич эту "дуэль взглядов" проиграл изначально. Потому что он привык, что оценивает девушку он, а та действует, как бы находясь в магнитном поле его притяжения. Тут же всё сразу пошло иначе.

Впервые встретил 28-летний Пушкин 19-летнюю Анну Оленину осенью или ранней зимой 1827 года. Произошло это в доме общих знакомых. Факт известен нам из дневника девушки. И вот самое интересное: рассказ об этой встрече записан ею спустя несколько месяцев, если быть точным, то 18 июля 1828 года. И история знакомства с поэтом представлена в романтической форме от 3-го лица. Другими словами, Анна сделала не обычную дневниковую запись: "была там-то, увидела того-то, выглядел он так-то, услышала

про него то-то”, — а попыталась написать некое прозаическое произведение о Пушкине. Кажется, в истории отечественной литературы это был первый опыт художественного восприятия Пушкина:

“Un jour, au bal chez la comtesse Tiesenhausen-Hitroff, Anette vit le personnage le plus intéressant de son temps et distingué dans la carrière des lettres: c’était le fameux poète Pouchkine”.

(“Однажды, на балу у графини Тизенгаузен-Хитровой, Анета увидела самого интересного человека своего времени и выдающегося на поприще литературы: это был знаменитый поэт Пушкин”).

“Бог, даровав ему гений единственный, не наградил его привлекательной наружностью. Лицо его было выразительно, конечно, но некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум, который виден был в голубых или, лучше сказать, стеклянных глазах его. Арапский профиль, заимствованный от поколения матери, не украшал лица его. Да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрёпанные волосы, ногти как когти, маленький рост, жеманство в манерах, дерзкий взор на женщин, которых он отличал своей любовью, странность нрава, природного и принуждённого, и неограниченное самолюбие — вот все достоинства телесные и душевные, которые свет придавал русскому поэту XIX столетия”.

“Говорили ещё, что он дурной сын, но в семейных делах невозможно всё знать; что он распутный человек, но, впрочем, вся молодёжь почти такова”.

“Итак, всё, что Анета могла сказать после короткого знакомства, есть то, что он умён, иногда любезен, очень ревнив, несносно самолюбив и неделикатен”.

Тем не менее, многие из окружения поэта были убеждены в том, что у него с прекрасной музыкантшей и певицей бурный роман. Однако, по утверждению Петра Вяземского, Пушкин лишь создавал видимость близких взаимоотношений с той, кто видел в поэте лишь друга и занимательного собеседника.

Сама Оленина избегала его откровений, так как боялась, что услышит слова поэта, а не “мужа”: как бы “не соврал чего в сентиментальном роде...” Он посвятил ей несколько стихотворений, среди них “Ты и вы” — “Пустое Вы сердечным ты...”, “Её глаза” и хрестоматийное: “Не пой, красавица, при мне // Ты песен Грузии печальной...” Но где уверенность, что стихи, обращённые к ней, не воспринимались ею всего лишь как мадригалы, привычные для красивой девушки?

Внутренний голос говорил Пушкину, невероятно влюбчивому и темпераментному мужчине: “Тебе тридцать лет, нормальный человек в это время женится. Конечно, были романтические увлечения. Но ведь сейчас самые серьёзные намерения”. Хороший психолог и умный человек, Пушкин не учёл, что факт сватовства не является ещё доказательством глубокого и всеобъемлющего чувства. Любое мнение со стороны вряд ли будет здесь уместно, но характерно, что даже “бывшие в теме” Вяземский и Анна Керн не считали это увлечение Пушкина серьёзным.

Они были двоюродными сёстрами — Анна Керн и Анна Оленина. Керн и познакомилась с Александром Сергеевичем в доме Олениных. Так что вторая Анна была в курсе отношений поэта с Керн. Порой можно встретить мнение, будто именно это послужило причиной её отказа Пушкину. Чему верится с трудом. Ни одна, даже самая молоденькая девушка, каким бы источником “любви и вдохновенья” она ни была, отдаваемая замуж за человека — чаще всего много старше её, — смею думать, не предполагала, что у жениха она первая и будет единственной. Хотя возможные изменения супруга Анну Оленину, надо признать, волновали:

“...Как часто, увлекаемый пылкими страстями молодости, будет он забывать свои обязанности! Как часто будет любить других, а не меня... Но я преступлю ли законы долга, будучи пренебрегаема мужем? Нет, никогда!”

Впрочем, Пушкин не единственный, кто глядел в те дни в сторону Анны Алексеевны. Как-то летом 1828 года, беседуя с Крыловым, она назвала ещё двух ухажёров — претендентов на её руку: Мейендорфа и Киселёва, хотя призналась, что “не влюблена в них”. Ответ поэта она записала в дневнике:

“...Боже избави, — сказал он, — но я желал бы, чтоб вы вышли за Киселёва и, ежели хотите знать, то он сам того желает. Но он и сестра говорят, что нечего ему соваться, когда Пушкин того же желает”.

Если бы этим интрига и ограничилась... Не тут-то было! По Петербургу поползла сплетня о якобы сказанных словах поэта: “Мне бы только с родными

сладить, а с девчонкой я уж слажу сам”. Что тут же было передано Анне Алексеевне. Конечно, они привели её в состояние гнева (“яроги от речей, которые Пушкин держал на мой счёт”). Впрочем, князь Сергей Голицын по прозвищу “Фирс” – приятный музыкант и стихотворец, один из остроумнейших собеседников своего времени, известный в обществе любезностью и талантами, забавный рассказчик, но “шутник и шалун легендарный”, – защищая Пушкина, сказал, что присутствовал при этом разговоре и это было сказано “не совсем так”, обвинив в интриге Варвару Дмитриевну Полторацкую, тётку Олениной, которая желала, чтобы на Аннет женился её брат Николай.

На страницах пушкинских черновиков лета 1828 года – это время создания “Полтавы” – то тут, то там разбросаны наброски её профиля, анаграммы её имени и фамилии, а однажды встречается та самая запись “Annette Rouchkine” (правда, густо зачёркнутая). Есть свидетельства современников, что сама поэма посвящена Анне Алексеевне Олениной. Но в черновиках сохранились и наброски к восьмой главе “Евгения Онегина”, в которой Annette Olenine “награждена” автором отнюдь не комплиментарными словами: “Уж так жеманна, так мала”, “. . . Что поневоле каждый гость // Предполагал в ней ум и злость”. Словами, явно свидетельствующими об уязвлённом самолюбии Пушкина. Согласитесь, они плохо вяжутся с другими, написанными им про ту же самую Оленину:

*...то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..*

Впрочем, кто знает! Зоркий Вяземский называл её “бойкой штучкой” и говорил, что она “мала и резва, как мышь”. Что-то с трудом представляю мышь с гениальными глазами, зато ум и злость вполне подходит маленькой резвой “штучке”.

Об истинной причине, толкнувшей поэта к написанию, может, и справедливых, но обидных слов, судить не берусь. Можно лишь предположить, что третий отказ при сватовстве выбил Пушкина из седла. Оно и понятно, ведь сватается, не в любовницы зовёт, в жёны готов взять. А оказывается, что не нужен. Тут не только про жеманность и злость скажешь...

Наверно, именно здесь корни разноголосицы по поводу того, как принял Пушкин отказ Олениной. Причём мнения разделились даже среди современников. Одни считают, что Пушкин “играет ревнивого”, другие говорят о глубокой душевной ране поэта, залечивать которую он отправится к Анне Николаевне Вульф.

Те, кто придерживается второй точки зрения, обычно ссылаются на стихотворение Пушкина, написанное им в альбом Олениной. Есть несколько свидетельств родственников Анны, что существовал такой автограф поэта. Существовал, потому что альбом с автографом не сохранился. Причём многие полагают, что стихотворение было обращено к Анне Алексеевне (версию о том, что восемь поэтических строк обращены к ней, первым выдвинул биограф Пушкина Павел Анненков) и появилось в альбоме после неудачного сватовства.

*Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.*

Внучка Олениной, Ольга Николаевна Оом, утверждала, что в альбоме Анны Алексеевны под восьмистишием “Я вас любил...”, написанным рукой Пушкина, стояли две даты: 1829 и 1833 с пометкой “plusqueparfait – давно прошедшее”.

Чувство, выходит, давно прошло. Однако в том же 1833 году поэт напишет другое восьмистишие с другими словами:

*Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал...*

Черновой текст написан в октябре 1833 года в Болдине. В беловом автографе, до нас не дошедшем, стихотворение имело помету: “1833, дорога, сентябрь”. Она означала место и время встречи с неизвестной, вызвавшей стихи. И это не единственное, что может первоначально показаться странным или требующим какого-то объяснения. С кем-то встретился, спустя месяц родились 8 строк, к кому они имеют отношение, неизвестно, но стихотворение существует...

На мой взгляд, по сей день остаётся открытым и вопрос об адресате знаменитого восьмистишия “Я вас любил...”: к кому обращено стихотворение? Многих этот вопрос удивит: как к кому?! Любовная поэтическая исповедь адресована конкретно Анне Алексеевне Олениной, в чей альбом он её вписал.

Но, по обоснованному мнению пушкиниста Татьяны Цявловской, гипотеза о том, что Анна Алексеевна является адресатом стихотворения, довольно спорна. И дело не в том, что оригинал автографа видели лишь сама Оленина и её родственники, лица как бы заинтересованные. Вполне могло быть, что Пушкин вписал стихотворение в некогда существовавший альбом девушки. Но само стихотворение было переадресовкой, то есть написано было по иному поводу, для другого человека, которому, в силу каких-то обстоятельств, стихотворение “не досталось”. А тут сложилась “удобная” ситуация сделать милый презент, в котором как на заказ соседствуют строки “Я вас любил: любовь ещё, быть может...” и “Я вас любил безмолвно, безнадежно...”, способные укрепить уверенность Олениной в том, что “посвящение” обращено к ней. Подобные поступки со стороны Пушкина, надо признать, встречались. Если это так и было, то Оленина, естественно, знать об этом не могла. И у неё были резонные фактические основания относить это стихотворение к себе.

Забегая вперёд, надо сказать, что судьбой Анне Алексеевне была дарована долгая и благополучная жизнь. Счастливая? Неизвестно. Она вышла замуж за Ф. А. Андро, сына покойного графа Ланжерона. Как она писала: “Супруг не идеальный, а простой”. Простота, как известно, хуже воровства. Её муж ревновал жену к прошлому, и “всё, что некогда наполняло её девичью жизнь, не должно было более существовать, даже как воспоминание”. Больше 40 лет Анна Алексеевна Андро прожила в кругу детей и внуков в Варшаве, где её муж служил адъютантом Паскевича, а потом был варшавским президентом. В 1850 году она обращалась к императору Николаю I с прошением о дозволении её мужу пользоваться графским титулом и фамилией своего отца, однако соответствующие бумаги, собранные ею во Франции и представленные министру юстиции, были признаны недостаточными. Впрочем, это не мешает большинству пишущих сегодня об Олениной именовать её Анной Алексеевной Андро, графиней де Ланжерон (урождённой Олениной).

Но вернёмся к моменту появления “Я вас любил...” в девичьем альбоме. Комментаторы восьмистишия обычно ссылаются на признание лирического героя таинственной незнакомке, что он её “любил безмолвно, безнадежно”. Мол, это недвусмысленно указывает на замужество Анны Алексеевны. Герой же по истечении времени испытывает новое любовное увлечение (тем самым делается намёк на возникшие отношения Пушкина с Гончаровой) и потому решает прекратить попытки покорить Оленину, ставшую Андро, но при этом по-прежнему испытывает к ней очень нежные и тёплые чувства. В последней строфе стихотворения, где звучит пожелание той, кому адресовано стихотворение: “Как дай вам Бог любимой быть другим”, он подводит черту под своим прошлым романом и заверяет, что пусть его любовь её “больше не тревожит”.

Однако прекрасную гипотезу разбивает обычная хронология: цифры всё же упрямая вещь. Обе даты — 1829 и 1833 с пометкой “plusquereparfait — давно прошедшее” — никак не соответствуют времени, когда Анна Оленина вышла замуж за Ф. А. Андро: было это много позже гибели Пушкина, в 1840 году. Так что ситуация с переадресовкой приобретает ещё больше прав на реальность, а версию, что “Я вас любил...” адресованы Анне Алексеевне, делает донельзя сомнительной.

Безусловно, стихотворение про любовь. “Да, но, — размышлял по этому поводу один из самых заметных отечественных литературных критиков XX века Ю. И. Селезнёв, — не только к такой-то женщине и не только в таком-то случае. В этом “благословляю” (“...дай вам Бог...”) не видится ли вам благословение и всей жизни, всему миру, то самое, что потом сказало и в есенинском: “Будь же ты вовек благословенно, // Что пришло процветать и умереть”? И не стоит ли за этим “личностно” поэтическим “самовыражением” поэтов самосознание народа в его способности к той “всемирной отзывчивости”, о которой прекрасно сказал Достоевский в знаменитой речи о Пушкине? Даже и в таких сугубо личностных, любовных стихах поэта вполне выявляется его народность, как, скажем, и в любовной исповеди Есенина — в его “Анне Снегиной” — гражданственность поэта”.

Получается, что “стихотворение про любовь”, случившуюся у Пушкина к Анне Олениной (или к кому иной. — **А. Р.**), по сути, вовсе не сугубо личный эпизод его жизни, не “светлая печаль” по поводу несложившихся отношений с определённым человеком с конкретными именем и фамилией. Почему? Потому что истинная поэзия не камера хранения частных проблем, не личный дневник поэта, куда он изливает в стихах личные переживания, боль и тревогу. Поэтическая боль — всегда боль за весь мир, а переживания отражают духовное состояние времени и общества. Другими словами, вам кажется, что вы читаете “стихотворение про любовь”, положим, к Анне Олениной, тогда как на самом деле вы знакомитесь не с чем иным, как философской лирикой, отражающей мироотношение поэта не к реальной возлюбленной, а женщине вообще, к любви в целом. Не понимать этого — значит не понимать ничего. Или почти ничего. Тем более, что те или иные “привязки” стихов ничего не добавляют нового их читателям в восприятии самих произведений.

Бесспорно, “привязки” ничего не добавляют, но удовлетворить любопытство всегда хочется: а к кому это в душе поэта любовь ещё не угасла? Если не Анна Оленина, тогда кто всё же “заставил” поэта произнести, бросить росчерком пера на бумагу заветные “Я вас любил...”? Может, то была Анна Керн, с которой Пушкин в период сватовства “пересекался”? Оказывается, дотошные исследователи творчества Пушкина известные строки связывали с именами не двух, а, по крайней мере, трёх женщин, за которыми тогда ухаживал поэт. Итак, Анна Оленина, Анна Керн и Каролина Адамовна Собаньская, с которой поэт познакомился в 1821 году во время южной ссылки. Именно в период, когда поэт был “то робостью, то ревностью томи” к Олениной — сватовство обязывало! — Пушкин одновременно добивался руки и польской красавицы.

По одной из версий литературоведов, стихотворение “Я вас любил: любовь ещё, быть может...”, написанное в форме прощального письма, посвящено именно ей. В ту пору Пушкин, совсем как царевич Димитрий из “Бориса Годунова”, воспользуюсь классическими словами, пред гордою полячкой “унижался”... и вынужден был прощаться с ней навек. По одной простой причине: изящная любительница искусства, прекрасная пианистка, образованная, но тщеславная и ветреная дочь киевского губернского предводителя дворянства, Каролина Собаньская (урожд. графиня Ржевуская) не собиралась связывать свою жизнь с Пушкиным.

Что ни говори, прелюбопытная это была женщина. Сестра жены Оноре де Бальзака и, следовательно, его свояченица, тётка знаменитой авантюристки Екатерины Радзивилл. В 17 лет её выдали замуж за 50-летнего польского помещика Иеронима Собаньского, о котором ходила слава человека дурно воспитанного, вечно нетрезвого, невежды и развратника. Назвать этот брак удачным не представляется возможным. Через три года, родив мужу дочь, Собаньская ушла от мужа и стала гражданской женой старика-генерала графа И. О. Витта, начальника военных поселений в Новороссии, ведавшего делами тайного сыска. “Виттова любовница” и “демоническая красавица” — так называли её в Одессе.

Как отмечал Ф. Ф. Вигель, “высокое светское образование Каролина получила в Вене, у родственницы своей Розалии Ржевуской. Салон этой Розалии некогда слыл первым в Европе по уму, любезности и просвещению его посетителей. Нашей Каролине захотелось нечто подобное завести в Одессе (когда она переехала туда. — А. Р.), и ей <это> несколько удалось”. Её салон, в котором “вообще из мужского общества собирала она всё отборное”, стал одним из самых блестящих. В числе прочих Собаньская принимала там двух соперников: Александра Пушкина и Александра Раевского.

Пушкин, по его собственному признанию, был ей обязан “опьянением любви, самой конвульсивной и самой мучительной”. Глубина и сила чувства к Каролине Собаньской наиболее ярко выразилась в стихотворении, написанном в 1823 году, — “Как наше сердце своенравно!..” В это же время было написано и другое замечательное стихотворение — “Ночь”. Проникнутое страстным любовным порывом и радостью обладания, оно позволяет заметить, что любовная лирика Пушкина не была учебником нравственности, как, может быть, этого кому-то хочется. Поэт писал о реальной жизни. А в жизни есть место даже той любви, если приглядеться, что тогда называлась плотской.

*Мой голос для тебя и ласковый, и томный
Тревожит позднее молчанье ночи тёмной.
Близь ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя...*

Об увлечении Пушкина пренебрегавшей условностями красавицей полькой, в которую он, конечно же, успел влюбиться, было бы мало известно. Но сохранились письма, написанные 9 лет спустя, 2 января 1930 года, в ответ на записку Каролины с просьбой перенести светский визит Пушкина с субботы на воскресенье. В одном из них Пушкин тогда писал:

“...убеждаюсь, что моё существование неразрывно связано с вашим; я рождён, чтобы любить вас и следовать за вами”.

Чем обернулся тот визит? Каждый остался при своём. Каролина, авантюристка по натуре и тайный агент царского правительства по призванию, равнодушная к славе поэта... попросила на память автограф. Было у неё такое хобби — она коллекционировала автографы знаменитых людей.

У Пушкина на фоне вспышки некогда случившегося увлечения — то ли любовной игры, то ли опьянения, — как отголосок былой страсти рождаются строки о том, что любовь “в душе моей угасла не совсем”. Новая встреча с прошлым доставила поэту массу возвышенных и мучительных минут надежды, а нам подарила незабываемые строки поэтической “заготовки” к предстоящей встрече. Но встреча повернулась таким образом, что автограф он дал, а восьмистишие оставил у себя до лучших времён. Позже он его впишет в альбом Анны Олениной. Но счастья и там оно ему не принесёт.

А ведь не то что помани, кивни тогда полька в знак согласия, всемирная литература получила бы уникальный “квартет”: у двух классиков, Оноре де Бальзака и Пушкина, в жёнах сёстры, графини Ржевуские.

Законы физики вроде бы далеки от литературы, но законы сохранения, которые в своей области выполняются всегда и при всех условиях (например, законы сохранения энергии, импульса, момента импульса, массы, электрического заряда), порой прихватывают и “смежные” сферы. В литературе такое, оказывается, тоже случается. Своё первое стихотворение, обращённое к Олениной (“Вы избалованы природой...”), Пушкин, судя по всему, по какой-то причине Анне Алексеевне не передал. Хотя изначально шесть строк задумывал преподнести ей в качестве поэтического подарка ко дню рождения. Однако что-то в пушкинских планах поменялось.

А спустя несколько месяцев то, что предназначалось петербургской возлюбленной, автор переадресовывает своей московской подруге. У одной барышни убыло, у другой прибыло. Пушкин к тому же для новой пассии ещё и продолжил мадригал, увеличив его до двадцати строк. Меньше чем через

год он его напечатал. Начиналось оно тем же стихом “Вы избалованы природой...” При публикации было озаглавлено: “В альбом (Е. Н. У...вой)”. Поэт не скрывал, что обращено стихотворение к Екатерине Николаевне Ушаковой.

С сёстрами Ушаковыми (черноволосой и черноокой Елизаветой и прелестной блондинкой Екатериной, грациозными и насмешливыми певуньями, “сёстрами-сиренами”) Пушкин познакомился на бале в Дворянском собрании. А вскоре общий их знакомый, как оказалось, дальний родственник Ушаковых, Сергей Александрович Соболевский, без особых церемоний привёз своего друга-приятеля в их уютный двухэтажный особняк на Средней Пресне, на Заморёновой улице. В то время это была окраина Москвы.

Там ангельский дуэт сестёр (сопрано – у Екатерины, контральто – у Елизаветы) Пушкин впоследствии мог слышать не раз. Как можно прочитать у В. Вересаева, отношения Пушкина с сёстрами Ушаковыми были “весело-беззаботными и светло-интимными”. Но ухаживать он стал за старшей, 17-летней Екатериной. Со слов пушкиноведа П. И. Бартенева, она была в полном смысле красавицей, “с пепельными волосами, тёмно-голубыми глазами, роста среднего, густые косы нависли до колен, выражение лица очень умное. Она любила заниматься литературой”.

“Меньшая очень хорошенькая, а старшая чрезвычайно интересует меня, потому что, по-видимому, наш знаменитый Пушкин намерен вручить ей судьбу своей жизни, ибо уже положил своё оружие у ног её, т. е., сказать просто, влюблён в неё. Это общая молва, а глас народа – глас Божий. <...> В их доме всё напоминает о Пушкине: на столе найдёте его сочинения, между нотами – “Чёрную шаль” и “Цыганскую песню”, на фортепиано – его “Талисман”, в альбоме – несколько листочков картин, стихов и карикатур, а на языке беспрестанно вертится имя Пушкина”, – отметила писательница Е. С. Телепнёва в 1827 году в своём эпистолярном дневнике (был некогда такой жанр в литературе, “письма-корреспонденции” которого адресовались непосредственно издательству).

Кажется, тогда выпала белая полоса для Пушкина. Кто из них двоих влюбился первым, а кто ответил взаимностью – для нас нет никакой разницы. Пушкин появлялся в доме Ушаковых чуть ли не всякий день, в иные дни по два-три раза. Они читали стихи, слушали музыку, дурачились, иногда отправлялись прокатиться верхом (район Пресненских прудов позволял совершать почти что сельские прогулки), девичьи альбомы Екатерины и Елизаветы заполнялись многочисленными карикатурами и стихами. Во мнении москвичей Пушкин только и занимался, что Ушаковой: на балах, на гуляньях он был возле неё, он говорил только с нею, а если случилось, что её рядом не окazyвалось, то Пушкин сидел где-нибудь в углу, потухший, и ничто уж не в силах было развлечь его.

Московская молва даже не сватала, а решительно утверждала, что “русский гений уже давно сложил к ногам красавицы с пепельными косами до колен своё сердце и до свадьбы ждать остаётся совсем немного”. Ещё бы, в апелле он адресует ей строки:

*Я очарован, я горю
И содрогаясь пред тобою...*

Их отношения настолько замечательны, что под этим посланием “Когда бывало в старину” её рукой сделано примечание:

“Стихи, писанные Сашей Пушкиным в дни оны, в 1827 году, когда Пресненское поле ещё забор не заграждал. К. Ушакова”.

“Саша” и “Катя” – казалось бы, счастливая пара и счастливая пора. Но сделать решающий шаг Пушкин опять не находит в себе сил. 16 мая 1827 года он вписал в альбом Екатерины стихотворение “В отдалении от вас...”. Как оказалось, накануне отъезда в Петербург. При этом ни объяснения, ни ссоры, ни разрыва.

Через неделю, придя в себя, Ушакова отправит полное горечи письмо брату Ивану:

“Нет, Jean, нет!

“Она исчезла, жизни сладость;

Я знала всё, я знала радость...”

Он уехал в Петербург, может быть, он забудет меня, но нет, нет, будем

лелеять надежду, он вернётся, он вернётся, безусловно! Держу пари, читая эти строки, ты подумаешь, что твоя дорогая сестра лишилась рассудка; в этом есть доля правды, но утешься: это ненадолго, всё со временем проходит, а разлука — самое сильное лекарство от причинённого любовью злом. . . Город почти пустынен, ужасная тоска (любимые слова Пушкина). Прощай, дорогой брат, надеюсь получить от тебя такое же длинное письмо. В ожидании этого удовольствия остаюсь навсегда преданная тебе, послушная, ленивая, безумная и любящая Катичка, называемая кое-кем Ангел”.

В холодном Петербурге Пушкин пробудет до марта 1829 года. Именно в тот отрезок времени у поэта была любовная вереница: увлечения фрейлиною двора Россет, “беззаконной кометой” Аграфеной Закревской и роскошной, полной неги полькой Еленой Завадовской, встреч с Анной Керн и ухаживания за Анной Олениной. После неудачного сватовства к которой, набравшись душевных сил с любящей его Анной Вульф, он вернулся в Москву. И встречи с Екатериной возобновились.

Он привёз ей из Петербурга книгу своих стихотворений и надписал. Автограф, отражающий сердечные сомнения поэта, явно был попыткой объяснить необъяснимое: “Всякое даяние — благо, всякий дар совершён свыше есть. Катерине Николаевне Ушаковой от А. П. 31 сент. 1829 г. *Nec femina, nec puer*” (“Не женщина, не дитя”). И преподнёс в качестве подарка золотой браслет очень тонкой работы. Вручил его. . . и отправился на войну в Арзрум.

Правда, перед отъездом успел расстроить почти-что состоявшуюся помолвку Екатерины с князем Петром Долгоруковым. То ли по свидетельству очевидцев, то ли по семейному преданию, то ли по очередной легенде, Пушкин, узнав о ней, примчался к Екатерине Ушаковой и на невероятный во всех отношениях вопрос: “С чем же теперь я остался?” — услышал ответ, сказанный с присущей девушке пленительной непосредственностью: “С оленьими рогами!” Петербург, конечно, лежит вдалеке от Москвы. Но слухи меж столицами бегают куда как резво. Ушакова знала и о пушкинских любовных похождениях, и о том, что поэт сватался не только к ней. В одной из карикатур в своём альбоме она, как могла, отомстила ему: изобразила Оленину, показывающую Пушкину кукиш, а под рисунком сделала подпись:

*Прочь, прочь отойди!
Какой беспокойный!
Прочь, прочь! Отвяжись,
любви недостойный!*

Что предпринимает Пушкин? В короткий срок он собрал сведения, порочащие жениха, и ознакомил с ними отца Екатерины. Какие именно? Единственное, что счёл возможным отец сказать дочери: “Девнице сие знать не подобает!” Впрочем, что девнице знать не подобало, было хорошо известно в соответствующем кругу не только московских отроков. Воспитанник Пажеского корпуса (где учились одни мальчики), князь был нетрадиционной сексуальной ориентации. В руке Екатерины князю было отказано, а Пушкин остался по-прежнему другом дома. Даже всеведущий Василий Львович Пушкин, — случалось, оказывается, и такое, — знал не все подробности происшедшего, в чём и признавался в письме князю П. А. Вяземскому (4 апреля 1829 года):

“Вот тебе новость. Кн. Долгорукой не женится на Ушаковой. Ему отказали; но причины отказа мне не совсем известны. Говорят, будто отец Ушаков кое-что узнал о нём невыгодное. Невеста и бывший жених в горе. . . Жаль бедной девицы и жаль, что родители её поступили в сем случае неосторожно и позволили дочери обходиться с женихом слишком ласково”.

Какое-то время после возвращения с Кавказа Пушкин мечется между Петербургом и Москвой. В марте 1830 года после встречи с Каролиной Собаньской поэт снова приехал в Москву, и опять начались частые визиты к Ушаковым.

“Между Екатериной Николаевной и Пушкиным в этот период завязывается тесная сердечная дружба, — интерпретировал историю романа Пушкина и Ушаковой зачинатель пушкиноведения П. И. Бартенев, — и, наконец, после продолжительной переписки Екатерина Ушакова соглашается выйти за него замуж. В это время в Москве жила известная гадалщица, у которой некогда был или бывал даже государь Александр Павлович. Пушкин не раз высказывал желание побывать у этой гадалщицы; но Ек. Н. Ушакова постоянно отго-

варивала его. Однажды Пушкин пришёл к Ушаковым и в разговоре сообщил, что он был у гадалищицы, которая предсказала ему, что он “умрёт от своей жены”. Хотя это сказано было как бы в шутку, как нелепое враньё гадалищицы, однако Ек. Н. Ушакова взглянула на это предсказание заботливо и объявила Пушкину, что, так как он не послушался её и был у гадалищицы, то она сомневается в силе его любви к ней; а с другой стороны, предвещание, хотя и несбыточное, всё-таки заставило бы её постоянно думать и опасаться за себя и за жизнь человека, которого она безгранично полюбит, если сделается его женою; поэтому она и решается отказать ему для него же самого. Дело разошлось. . .”

Опять вместо ожидаемого всеми предложения Ушаковой о замужестве отношения завершаются разрывом. Мы и сегодня чаще всего не можем понять, что людей вдруг связало и что потом вдруг развело в разные стороны. А тут поди разбери, что сблизило двух людей, какая химия — модное нынче выражение — дала о себе знать и почему химическая реакция прекратилась меж людьми, жившими пару веков назад.

Со стороны Пушкина, можно предположить, к тому были, по крайней мере, три причины. Одна смахивает на правду, в другую можно верить, если есть желание, третья способна всё объяснить.

Первая — грустно говорить, но Пушкин испугался. Причём, испуг был не случайный, не вдруг, а продолжительный и давний. Звонок прозвучал ещё в стихотворении “Когда, бывало, в старину. . .”, написанном и подаренном им Екатерине Ушаковой в апреле 1827 года, в одной его строке: “Но ты, мой злой иль добрый гений. . .”

Вторая — мысли Пушкина уже были заняты неприступной красавицей Натальей Гончаровой, чувства к которой поэт вскоре перестанет скрывать.

Третья позволяет понять психологию того, почему Пушкин не сделал предложение руки и сердца Екатерине Ушаковой столь же скоропалительно, как ещё недавно, после трёх встреч, Софье Пушкиной. Дело, похоже, в резвом и шаловливом характере Екатерины Ушаковой. Недавно ушедшая из жизни филолог-литературовед Нина Забабурава мотивировала поведение Пушкина так: подобный характер таит в себе известную опасность. Дружеские вольности скорее охлаждают любовь. Помните пушкинский автограф “Не женщина, не дитя”? Вдуматься — своего рода приговор, выражающий всю неопределённость установившихся отношений, неуловимую зыбкость границ, отделяющую дружескую фамильярность от любви:

“В эту пору Пушкин уже был знаком с Натальей Николаевной Гончаровой, к которой успел впервые посвататься. И хотя ничего пока не было решено, встреча с чистой, первозданной женской прелестью, может быть, заставила его более остро ощутить неженственность шаловливой дерзости”.

Со стороны Ушаковой, скорее всего, причина была одна. Она почувствовала, что Пушкин постепенно ускользает от неё к другой, и помешать этому она не в силах. Признаться в своей слабости не хотелось, и умница Екатерина нашла деликатный способ первой отказать от Пушкина. Услышав про предсказание питерской гадалки о смерти “от своей жены”, она объявила, что не желает быть причиной гибели поэта, и отпустила его восвояси. Навсегда.

Сколь можно было и сколько допускали приличия, “барышня с Пресни” выждала. 28 апреля 1830 года полетело письмо брату:

“В Москве новостям и сплетням нет конца, она только этим и существует, не знаю, куда бы я бежала из неё и верно бы не полюбопытничала, как Лотова жена. Скажу тебе про нашего самодержавного поэта, что он влюблён (наверное, притворяется по привычке) без памяти в Гончарову меньшую. Здесь говорят, что он женится, другие даже, что женат. Но он сегодня обедал у нас, и кажется, что не имеет сего благого намерения, mais on ne peut repondre de rien.*

*Его брат Лев приехал с Кавказа и был у нас, он очень мил и любезен и кампанию сделал отлично, весь в крестах. Вот его bon mot** про А. Серг., когда он его увидел бегущего на гулянье под Новинским за коляской Карсов***:*

* Но нельзя отвечать ни за что (фр.).

** Острота (фр.).

*** После возвращения из Арзрума Пушкин стал именовать сию пока недоступную Натали “Карсом”.

*Он прикован,
Очарован,
Он совсем огончарован...”*

В тот момент сложилась драматическая ситуация, когда вокруг Пушкина развернулась “позиционная война”. Её особенность – война шла не между двумя очаровательными московскими барышнями: сёстры Ушаковы – против сестёр Гончаровых, вернее, старшая Ушакова против младшей из Гончаровых, Наталии. Война происходила в сердце поэта, где обе избранницы странным образом сосуществовали одновременно. Кому как не женщине понять изнутри перипетии той войны с очень женским лицом. Писатель Лариса Черкашина, давно и обстоятельно занимающаяся Пушкиным, так увидела события:

“Свидетелем тех давних баталий стал альбом Елизаветы Ушаковой, счастливо сохранившийся до наших дней. Каким только нападкам не подвергалась бедная Натали, как только не высмеивали её сестрицы Ушаковы, дав волю своим злым язычкам! Один из рисунков в альбоме (кто был его автором – Катерина или Лиза – уже не узнать) запечатлел Натали в весьма комичном виде: с носовым платочком в руке, в каких-то несуразных туфлях, стоящей в луже слёз. Рисунок сопровождался целым “монологом” от имени плачущей “героини”:

“Как вы жестоки. Мне в едаких башмаках нельзя ходить, они мне слишком узки, жмут ноги. Мозоли будут”.

Намёк более чем прозрачный: туфельки малы, и Золушке не бывать принцессой. Сёстры подсмеивались над Натали вовсе не дружески – нужно же было найти хоть один изъян в “первой московской красавице”. И удар был направлен с меткостью снайпера – в самую чувствительную, болевую точку поэта, известного своей слабостью к маленькой женской ножке.

(Свадебные туфельки Натали хранятся ныне в Петербурге, в доме на Мойке. На их узеньких следах различима цифра “4”, что соответствует современному тридцать седьмому размеру. И надо полагать, ножка юной красавицы полностью гармонировала с её, по тем временам высоким, ростом!).

На рисунке изображены и тянущиеся к Натали руки с длинными хищными ногтями (известна любовь Александра Сергеевича к длинным ногтям). В левой руке, с тщательно выписанным огромным перстнем (“визиткой” поэта!), – письмо барышне. Под рисунком надпись: “Карс! Карс, брат, брат Карс!”

Предание, сохранённое в семье Ушаковых, объясняет, почему Пушкин так шутивно называл Натали, представлявшуюся ему столь же неприступной, как и турецкая крепость Карс. Но в этом прозвище заключалась и надежда – ведь крепость несколько раз бралась русскими войсками, и в последний раз совсем незадолго до описываемых событий – в 1828 году. Кстати, любопытный исторический факт – в России была выбита медаль “На взятие Карса”!

Шутливые и не очень рисунки и стихи о “Карсе” много раз появлялись в ушаковском альбоме, потому что весь роман Пушкина с Натальей Гончаровой развивался, что называется, на глазах у Екатерины Ушаковой. Поначалу его увлечение она не приняла всерьёз. Видимо, полагала: сколько таких у него уже было! Но чем дальше, тем больше дают о себе знать досада, ревность и злость. И то, что Екатерина Николаевна откровенно не жаловала новую избранницу поэта, понять нетрудно хотя бы из её письма тех дней, адресованного брату:

“Карс всё так же красива, как и была, и очень с нами предупредительна, но глазки её в большом действии, её А. А. Ушаков прозвал Царство Небесное, но боюсь, чтобы не ошибся, для меня это сущее Чистилище. Карсы в вожделенном здравии. Алексей Давыдов был с нами в собрании и нашёл, что Карс должна быть глупенька, он по крайней мере стоял за её стулом в мазурке более часу и подслушивал её разговор с кавалером, но только и слышал из её прелестных уст: да-с и нет-с. Может быть, она много думает или представляет роль невинности...”

И всё? Не совсем. Как-то Екатерина всё же не сдержалась и послала Пушкину, отъехавшему в Петербург, письмо, которое не сохранилось. Оно было без подписи, но Пушкин понял, от кого оно, и, так как жизненный ритуал влюблённости требовал выполнения обряда признаний, писем и другой атрибутики, написал “Ответ” (в стихах ответить оказалось ему легче), напечатав

его в “Литературной газете” (1830 год, № 3, 11 января) за подписью “Крс”. Идут споры: сокрыта ли в ней анаграмма “Сверчок” или спрятан “Карс”.

*Я Вас узнал, о мой оракул!
Не по узорной простоте
Сих неподписанных каракул,
Но по весёлой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрекам... столь неправым,
И этой прелести живой.
С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! в Москву, в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый,
Здесь речи — лёд, сердца — гранит;
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пресни, ни харит.*

Последняя известная встреча Пушкина с Ушаковой произошла в июне 1830 года. Кому как, а мне, признаюсь, жаль, что у них не сложилось. Если вдуматься, с Екатериной Ушаковой Пушкин был ближе всего к собственному идеалу жены: “хороша собой, умна, иронична, приветлива и в высшей степени ответственна”. Соглашусь с В. В. Вересаевым, сказавшим об этой девушке, не только любившей Пушкина, но и умевшей его ценить:

“Не перейди ей дорогу пустынькая красавица Гончарова, втянувшая Пушкина в придворный плен, исковеркавшая всю его жизнь и подведшая под пистолет Дантеса, — подругою жизни Пушкина, возможно, оказалась бы Ушакова, и она сберегла бы нам Пушкина ещё на многие годы”.

Остаётся добавить: замуж Екатерина Николаевна вышла довольно поздно. Не то что точная дата, но даже год, когда это произошло, неизвестен. Можно встретить мнение, что случилось это в 1836 году, когда ей уже исполнилось 27 лет. Кто-то называет 1837 год. Чаше фигурирует: “После рокового 1837-го...” — с уточнением: “Во всяком случае, ей было уже под тридцать (то есть была она самой что ни на есть “перезревшей” невестой). Согласие стать женой она дала князю Дмитрию Николаевичу Наумову. Он был вдовец, много старше неё, прапорщик лейб-гвардии Измайловского полка, впоследствии коллежский советник.

С каким настроением шла она под венец? Можно вопрос повернуть иначе: почему вышла замуж? В одном из писем брату она писала:

“На мой взгляд, нет ничего более отвратительного, чем старая дева — это бич человеческого рода”.

Супруг Екатерины Николаевны “вошёл в историю” разве что своей ревностью. В первый год совместной жизни (по другим сведениям, ещё перед свадьбой) он потребовал уничтожить два девичьих альбома невесты с рисунками и посвящениями Пушкина. А спустя какое-то время, опять же в приступе ревности, Наумов разломал подарок Пушкина: любимый Екатериной Николаевной золотой браслет с зелёной яшмою, который она носила на левой руке, между локтем и плечом, там, где он был сокрыт пышным рукавом платья. Из золота браслета ревнивец-муж распорядился сделать лорнет, который позже сам и разбил. Яшму отдал то ли тестю, то ли ювелиру. Кольцо же с камнем впоследствии намеренно “потерял”.

Как гласит семейное предание, похожее на легенду, сама Екатерина Николаевна незадолго до кончины велела дочери принести заветную шкатулку, где долгие годы хранила утаённые от супруга письма Пушкина, и сжечь их. Дочь умоляла оставить как память эти бесценные листки, но она повторила: “Мы любили друг друга горячо, это была наша сердечная тайна, пусть она и умрёт с нами”. Может быть, и он не сохранил письма Екатерины Ушаковой, адресованные ему, по её воле?

Стоустая светская молва была очень внимательна к Пушкину. Слухи, толки, кривотолки следовали за ним повсюду, нередко даже забегая вперёд. Как это обычно бывает, стихи поэта интересовали людей куда меньше, нежели вести

про что-то этакое. “Жёлтой” прессы как таковой ещё не было, поэтому обходились письмами. Приятели и друзья были первыми любопытствующими.

Из письма князя П. А. Вяземского жене в Москву (20 марта 1830 года):

“Из Москвы уже сюда пишут, что он женится на старшей Ушаковой. Почему же нет? А шутки в сторону, из несбыточных дел это ещё самое сбыточное”.

Из письма М. П. Погодина С. П. Шевырёву в Рим (23 марта 1830 года):

“Говорят, что он (Пушкин) женится на Ушаковой старшей и заметно степенничает”.

Из письма князя П. А. Вяземского жене в Москву (27 марта 1830 года):

“Все у меня спрашивают: правда ли, что Пушкин женится? В кого же он теперь влюблён, между прочим? Насчитай мне главнейших...”

Двухсерийная история сватовства Пушкина к Наталье Николаевне Гончаровой, растянувшаяся почти на два года, примечательна двумя моментами: она происходила параллельно с отношениями с Ушаковой и на фоне бурных отношений с Каролиной Собаньской. С той особенностью, что прошлые неудачи заставили поэта отнестись к сватовству с не свойственной ему осмотрительностью.

Каролину Собаньскую Пушкин называл демоном, но, кажется, никого он так страстно не любил, как её. Кое-кто из пушкинских приятелей был в курсе, что она писала тайные доносы. Тот же Филипп Вигель говорил, что под её щеголеватыми формами скрывались мерзости. Пушкин же, ничего не ведая о её тайной жизни, полагал, что его душа – боязливая рабыня её души.

Весной 1830 года для Пушкина жизнь буквально на разрыв. 4 марта он неожиданно расстается с Собаньской в Петербурге и едет в Москву. На Пасху 6 апреля Пушкин сделал Наталье Гончаровой предложение. То ли жест отчаяния, то ли альтернативный вариант, то ли своего рода месть любовнице, то ли последний решительный бой. На сей раз предложение было принято.

В день помолвки Пушкина с Натальей Николаевной в “Литературной газете” появляется его стихотворение “Что в имени тебе моём?”, обращённое к Собаньской. Слава богу, невеста и её круг почитателями, да и просто читателями стихов жениха не являются. Будь иначе и знай они, кому стихотворение адресовано, помолвке не бывать. Через два месяца после помолвки Пушкин снова мчит в Петербург: невесте сказано – по делам, в действительности – к Собаньской.

Знакомство с Гончаровой произошло в Москве зимою 1828-1829 годов. Начиналось оно, как обычно: на балу у танцмейстера Иогеля поэт пленён красотой 16-летней провинциалки из Полотняного Завода (обширное родовое имение Гончаровых, расположенное на реке Суходрев под Калугой). По воспоминаниям Надежды Еропкиной, знавшей Наталью Николаевну до замужества, ту очень рано стали вывозить в свет:

“Необыкновенно выразительные глаза, очаровательная улыбка и притягивающая простота в общении, помимо её воли, покоряли всех. Не её вина, что всё в ней было так удивительно хорошо. Но для меня так и осталось загадкой, откуда обрела Наталья Николаевна такт и умение держать себя? Всё в ней самой и манера держать себя было проникнуто глубокой порядочностью. Всё было comme il faut – без всякой фальши. <...> Пушкина пленили её необычная красота, и не менее вероятно, и прелестная манера держать себя, которую он так ценил”.

Если быть точным, когда на балу она была представлена Александру Сергеевичу, и он впервые увидел её – в белом платье, с золотым обручем на голове, – той всего 3 месяца как исполнилось шестнадцать. Тогда, надо отметить, красоту Натальи едва начали замечать в свете. А он заметил и... Позже будущей теще он напишет:

“Я полюбил её, голова моя закружилась...”

Нетерпение сердца, “пьяного от счастья”, у него столь сильно, что решение сделать Гончаровой предложение последовало без промедления. Закономерны вопросы: чем же привлекла и поразила Пушкина Наталья Гончарова? Почему выбор пал на неё? Самое смешное, что можно встретить в качестве ответа, выглядит так: *“В юном существе поэт увидел всех тех женщин, которые когда-то потрясли его воображение. Потрясли на всю жизнь. Поисками ускользающего видения он и был занят все эти годы”.*

Если вникнуть по-серьёзному, то можно ограничиться известными словами из Послания апостола Павла к Ефесянам, которое читается во время православного обряда бракосочетания: “Тайна сия велика есть”. Потому что влюбляются не за что — у любви не может быть причин, и потому невозможно сказать, за что любишь.

И тем не менее, попробуем взглянуть на ситуацию со стороны, вспомнив строки пушкинского экспромта, написанные Дж. Дау — английскому художнику, автору портретной галереи героев 1812 года, с которым Пушкин встретился на пароходе, шедшем до Кронштадта:

*Рисуй Олениной черты,
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.*

Два основных критерия в них обозначены: его избранница должна быть юной и красивой. Что касается возраста, то желание взять в жёны младую деву возникло у Пушкина, как помним, “глядя” на пару Александр Грибоедов и Нина Чавчавадзе. Что касается второго критерия, то и мужчины, и женщины — все были единодушны в признании несомненной красоты Натальи Гончаровой. Один из светских знакомых Пушкина, граф В. А. Соллогуб, в своих “Воспоминаниях” на склоне лет восторженно писал о Наталье Николаевне:

“... Никогда не видывал я женщины, которая соединяла бы в себе такую законченность классически правильных черт и стана. Ростом высокая, с баснословно тонкой тальей, при роскошно развитых плечах и груди, её маленькая головка, как лилия на стебле, колыхалась и грациозно поворачивалась на тонкой шее; такого красивого и правильного профиля я не видел никогда более, а кожа, зубы, уши! Да, это была настоящая красавица, и недаром все остальные, даже из самых прелестных женщин, меркли как-то при её появлении. <...> ... её лучезарная красота рядом с этим магическим именем всем кружила головы...”

“Поэтическая красота госпожи Пушкиной проникает до самого моего сердца. Есть что-то воздушное и трогательное во всём её облике... невозможно ни быть прекраснее, ни иметь более поэтическую внешность... Это образ, перед которым можно оставаться часами, как перед совершеннейшим созданием Творца, — так писала у себя в “Дневнике” о жене Пушкина, обладательнице “небесной и несравненной” красоты, Долли Фикельмон. — Я видела её у маменьки — это очень молодая и очень красивая особа, тонкая, стройная, высокая, — лицо Мадонны, чрезвычайно бледное с кротким, застенчивым и меланхолическим выражением, — глаза зеленовато-карие, светлые и прозрачные, — взгляд не то чтобы косящий, но неопределённый, тонкие черты, красивые чёрные волосы. <...> ... её стан великолепен, черты лица правильны, рот изящен, и взгляд, хотя и неопределённый, красив, в её лице есть что-то кроткое и утончённое...”

Среди других критериев, какие пьянили Пушкина, был и тот, что в его глазах брюнетка Натали была похожа на белокурую императрицу Александру Фёдоровну: и чертами лица, и изяществом сложения, и ростом, и манерой поведения. Позже он так и говорил Карлу Брюллову, автору знаменитого полотна “Последний день Помпеи”, прося его написать портрет жены: “А вот моя тёмная Мадонна”.

Немного истории: Великий Карл, однако, не вдохновился красотой Натали, и всем известный акварельный портрет (юная светская красавица в балльном платье замерла, опершись на что-то) исполнил его старший брат Александр. На портрете у прекрасной Натали в ушах серьги с дорогими бриллиантами, которые одолжил на время, когда она позировала художнику, Александру Пушкину его друг князь Пётр Мещерский. Эти алмазы, так называемые “ширинские алмазы”, были из тех, что относятся к историческим “роковым драгоценным камням”. Считалось, что их не могли безнаказанно носить женщины, не принадлежащие к роду князей Мещерских, в том числе и жёны князей.

Может ли это служить хотя бы косвенным подтверждением гипотезы, что Александра Фёдоровна (урождённая принцесса Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская) и есть искомая всеми “NN” из “донжуанского списка” Пушкина? Не уверен.

С одной стороны, её величественная и строгая фигура, представляла “законченный тип немецкой красоты”. Так, во всяком случае, отражено

в знаменитом уникальном 5-томнике “Русские портреты XVIII и XIX столетий”. Издание Великого князя Николая Михайловича”, ставшем итогом кропотливой работы на протяжении нескольких десятилетий научных сотрудников музеев, архивов и библиотек по установлению подлинных атрибуций отдельных “персон”, а также авторства опубликованных 1087 портретов.

С другой стороны, немецкий тип красоты не мешал россиянам, писавшим о жене Николая I, отдавать должное не только её красоте, но и душевным качествам разного рода.

Вот только следует иметь в виду, что порой невнимательные пишущие и читающие, говоря о супруге Николая I, ссылаются при этом на строки А. Ф. Тютчевой в её книге “При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора”:

“Несмотря на высокий рост и стройность, она была такая худенькая и хрупкая, что не производила на первый взгляд впечатления belle femme [красавицы]; но она была необычайно изящна, тем совершенно особым изяществом, какое можно найти на старых немецких картинах, в мадоннах Альбрехта Дюрера, соединяющих некоторую строгость и сухость форм со своеобразной грацией в движении и позе, благодаря чему во всём их существе чувствуется неуловимая прелесть и как бы проблеск души сквозь оболочку тела”.

Дело в том, что Тютчева, так пишущая о цесаревне, имеет в виду Марию Александровну, будущую российскую императрицу, супругу Александра II и мать императора Александра III. Только ли невнимательностью можно объяснить ошибку? Полагаю, людей сбивает с толку соотношение не называемой в этот момент в тексте Тютчевой цесаревны с мадоннами Альбрехта Дюрера. Фигура Александры Фёдоровны впечатляла, что и говорить, многих. Уже упоминавшийся среди поклонников Анны Керн А. В. Никитенко писал:

“У Императрицы стройная, величественная фигура, каких, я думаю, не много есть; лицо бледное, но также величественное, с оттенком добродушия; в приёмах её и обращении много приветливого и ласкового”.

У Анны Фёдоровны Тютчевой, жены И. С. Аксакова, в её книге, тем не менее, есть пассаж и об императрице Александре Фёдоровне, причём не только о её фигуре. И интересен он ещё и тем, что в нём фигурирует её муж, человек, сыгравший немалую роль в судьбе Пушкина:

“Император Николай питал к своей жене, этому хрупкому, безответному и изящному созданию, страстное и деспотическое обожание сильной природы к существу слабому, единственным властителем и законодателем которого он себя чувствует. Для него это была прелестная птичка, которую он держал в перти в золотой и украшенной драгоценными камнями клетке, которую он кормил нектаром и амброзией, убаюкивал мелодиями и ароматами, но крылья которой он без сожаления обрезал бы, если бы она захотела вырваться из золочёных решёток своей клетки. Но в своей волшебной темнице птичка не вспоминала даже о своих крылышках. Для императрицы фантастический мир, которым окружало её поклонение её всемогущего супруга, мир великолепных дворцов, роскошных садов, весёлых вилл, мир зрелищ и фееричных балов заполнял весь горизонт, и она не подозревала, что за этим горизонтом, за фантазмагорией бриллиантов и жемчугов, драгоценностей, цветов, шёлка, кружев и блестящих безделушек существует реальный мир, существует нищая, невежественная, наполовину варварская Россия, которая требовала бы от своей государыни сердца, активности и суровой энергии сестры милосердия, готовой прийти на помощь её многочисленным нуждам.

Александра Фёдоровна была добра, у неё всегда была улыбка и доброе слово для всех, кто к ней подходил, но эта улыбка и это доброе слово никогда не выходили за пределы небольшого круга тех, кого судьба к ней приближала. Александра Фёдоровна не имела ни для кого ни сурового взгляда, ни недоброжелательного жеста, ни сурового осуждения. Если она слышала о несчастье, она охотно отдавала своё золото, если только что-нибудь оставалось у её секретаря после расплаты по громадным счетам модных магазинов, но она принадлежала к числу тех принцесс, которые способны были бы наивно спросить, почему народ не ест пирогов, если у него нет хлеба”.

Однако в памяти потомков Александра Фёдоровна всё же сохранилась. Для неё был возведён дворцово-парковый ансамбль “Александррия” в Петергофе, гуляя по которому и сегодня, получаешь огромное удовольствие. Её именем назван Александринский театр в Санкт-Петербурге.

Но вернёмся к Пушкину. Эта параллель (Натали, тёмная Мадонна — Александра Фёдоровна, светлая Мадонна), кто знает, может быть, определившая пушкинский выбор, позволяет наметить контур принципиального расхождения его слов о любви к Натали и подспудно сидящего в сознании решения не останавливаться на полпути, идти до конца — покончить с холостой жизнью и несоответствующим летам положением в свете.

Второе, смею думать, для него было всё же более существенным. Красивая — даже если поэт забыл, мы-то помним, как ещё недавно он писал о Софье Пушкиной, на которой решил вдруг жениться: “Прекраснее быть невозможно”. Юная — а потому невольно вспоминаются слова, якобы сказанные поэтом про Анну Оленину: “Мне бы только с родными сладить, а с девчонкой я уж слажу сам”. Что греха таить, даже если слов таких он не произносил, то подобным образом думал: и тогда, и в этот раз, с Натали.

Мысли о женитьбе появляются у него осенью 1826 года. Но ещё в конце мая он писал Вяземскому из Михайловского:

“Правда ли, что Баратынский женится? Боюсь за его ум. Законная п...да — род тёплой шапки с ушами. Голова вся в неё уходит. Ты, может быть, исключение. Но и тут я уверен, что ты гораздо был бы умнее, если лет ещё 10 был холостой. Брак холостит душу”.

Приплюсуем сюда несколько слов из письма Вере Вяземской (28 апреля 1830 года). Написанные по-французски, в русском варианте они стали известны, кажется, каждому слышавшему про Пушкина и его сватовство:

“Mon mariage avec Natalie (qui par parenthese est mon cent-treizieme amour) est décidé”.

“Моя женитьба на Натали (это, замечу в скобках, моя сто тринадцатая любовь) решена”.

Этими несколькими словами о своей невесте, справедливо проконстатируют много лет спустя, Пушкин “озадачил несколько поколений пушкинистов и читателей, по сей день разделённых на два враждебных лагеря: первородных оптимистов и мрачных скептиков. Последние обвиняют первых в идеализации жизни поэта и превращении его самого и его жены в иконы. Первородные оптимисты обвиняют мрачных скептиков в неуважении святынь русской культуры и оскорблении чести великого поэта и его жены”.

Не я первый берусь цитировать великое множество сомневающихся в великой любви Пушкина к Натали. Впрочем, сам поэт стоит первым в этом ряду. И тогда, когда заявляет:

“Более или менее я был влюблён во всех хорошеньких женщин, которых знал”.

И тогда, когда, добившись согласия своей будущей тещи, он признается ей, что невеста его не любит. И это спустя полтора года с момента, как он пришёл в восторг от божественной красоты юной Натали:

“...я могу надеяться со временем привязать её к себе, но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться”.

И дело не только в ней — он сам остыл, былая влюблённость в неё, может быть, прошла. 10 февраля 1831 года (то есть за неделю до венчания) он пишет Кривцову:

“Ты без ноги, а я женат.

Женат — или почти. Всё, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, всё уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут. Счастья мне не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчёты. Всякая радость будет мне неожиданности”.*

Пушкина спросили, сообщает почт-директор Александр Булгаков брату: “...говорят, что вы женитесь? — Конечно, — ответил тот. — И не думайте, что это будет последняя глупость, которую я совершу в своей жизни”.

* Счастье можно найти лишь на проторённых дорогах (франц.).

В письме к Плетнёву сам поэт, кажется, уже жалеет, что сватовство завершилось положительно:

“Чёрт догадал меня бредить о щастии, как будто я для него создан. Должно было мне довольствоваться независимостью”.

Соболевский припомнил, что из дома своей невесты на Большой Никитской Пушкин глядел на гробовую лавку, а потом написал “Гробовщика”. Видимо, под стать настроению. Вроде бы рвётся жениться, а хорошо ему, когда он один, без невесты. *“Ты не можешь себе представить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать”*, — пишет он Плетнёву из Болдина.

«Намереваясь отправиться в Польшу, — записывает Бартенев, — Пушкин всё напевал другу Нащокину: “Не женись ты, добрый молодец, а на те деньги коня купи...”»

Накануне помолвки в письме к будущей тёще он провидчески скажет о возможности блестящего вдовства для Натальи Николаевны. А для себя на трёх страничках набрасывает историю, как в одночасье он стал женихом (“Участь моя решена. Я женюсь...”). Самые примечательные строки в ней:

“Отец и мать сидели в гостиной. Первый встретил меня с отверстыми объятиями. Он вынул из кармана платок, он хотел заплакать, но не мог и решил высморкаться”.

“Женитьба была несчастье его, и все близкие друзья его сожалели, что он женился”, — рассказывал Николай Смирнов.

Есть целый ряд заслуживающих внимания и доверия свидетельств, говорящих о том, что под венец Пушкин шёл неохотно, почти что по обязанности.

“Пушкин женится на Гончаровой, между нами сказать, на бездушной красавице, и мне сдаётся, что он бы с удовольствием заключил отступный трактат”, — это сообщает приятель поэта Сергей Киселёв в приписке к письму Пушкина их общему знакомому Алексею. Можно предположить, что Александр Сергеевич почти наверняка этот текст совместного письма перед отправкой прочитал и, как видим, оставил его без изменений или возражений.

Продиктованы ли эти слова обидой за несостоявшийся брак с Пушкиным Екатерины Ушаковой, ведь Киселёв, как помним, муж её сестры Елизаветы, или так и было — поди разбери.

Много лет спустя Сергей Булгаков ещё жёстче выскажется в адрес Натальи. Если дыма без огня не бывает, то это тот самый случай:

“Красота была только красотью, формой без содержания, обманным осиянием”.

“В городе опять поползли слухи, что Пушкина свадьба расходится, — пишет 16 февраля опять Александр Булгаков брату, — это скоро должно открыться. Середа — последний день, в который можно венчать (перед Великим постом. — А. Р.). Невеста, говорят, нездорова. Он был... на бале, отличался, танцевал, после ужина скрылся. — Где Пушкин, я спросил, а Гриша Корсаков серьёзно отвечал: “Он ведь был здесь весь вечер, а теперь отправился навещать невесту”. Хорош визит в пять часов утра и к больной! Нечего ждать хорошего, кажется, я думаю, что не для неё одной, но для него лучше было бы, кабы свадьба разошлась”.

“Судя по его физиономии, можно подумать, что он досадует на то, что ему не отказали, как он предполагал”, — замечает Озерова, встретившая Пушкина с Натальей Николаевной на представлении в Благородном собрании.

Трагическая грусть или горькая обречённость, по-другому не скажешь, пронизывает пушкинское письмо к сестре: *“Боюсь, Ольга, за себя, а на мою Наташу не могу иногда смотреть без слёз; едва ли мы будем счастливы, и свадьба наша, чувствую, к добру не приведёт. Сам виноват кругом и около: из головы мне выпало вон не венчаться 18 февраля, а вспомнил об этом поздно — в ту минуту, когда нас водили уже вокруг аналоя”.*

Художник Михаил Иванович Железнов, ученик великого Карла Брюллова, оставил воспоминания о своём учителе, среди которых есть фрагмент о взаимоотношениях великого художника с великим поэтом:

«Вскоре после того как я приехал в Петербург, вечером, ко мне пришёл Пушкин и звал к себе ужинать. Я был не в духе, не хотел идти и долго отказывался, но он меня переупрямил и утащил с собой. Дети Пушкина уже спали, он их будил и выносил ко мне поодиночке на руках. Не шло это к нему, было грустно, рисовало передо мною картину натянутого семейного счастья, и я его спросил: “На кой чёрт ты женился?” Он мне отвечал: “Я хотел ехать за

границу — меня не пустили, я попал в такое положение, что не знал, что мне делать, — и женился»».

Вяземский долго не верит слухам о сватовстве Пушкина и возмущённо пишет жене:

“Ты меня мистифицируешь заодно с Пушкиным, рассказывая о порывах законной любви его. Неужели он в самом деле замышляет жениться, но в таком случае, как же может он дурачиться? Можно поддразнивать женщину, за которую волочишься, прикидываясь в любви к другой, а на досаде её основать надежды победы, но как же думать, что невеста пойдёт, что мать отдаст дочь свою замуж ветренику или фату, который утешается в горе”.

Однако спустя две недели Вяземский получил несомненное подтверждение слухов об свершившемся событии:

“Нет, ты меня не обманывала, мы сегодня на обеде у Сергея Львовича выпили две бутылки шампанского, а у него по-пустому пить двух бутылок не будут. Мы пили здоровье жениха. Не знаю ещё, радоваться ли или нет счастливо Пушкина, но меня до слёз тронуло письмо его к родителям, в котором он просит благословения их. Что он говорил тебе об уме невесты? Беда, если его нет в ней: денег нет, а если и ума не будет, то при чём же он останется с его ветреной головой?”

Двумя бедами, надо признать, предстоящее событие для Пушкина не ограничивалось. Самым печальным было то, что он сознательно стремился к браку с женщиной, которая в лучшем случае его терпит, но не любит. “Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери, — писал Пушкин матери своей невесты в откровенном письме 5 апреля 1830 года, — я могу надеяться возбудить со временем её привязанность, но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия её сердца”.

Сегодня можно встретить точку зрения, что в год помолвки Пушкин был душевно гораздо ближе к очаровательной Ушаковой с добрым, преданным ему сердцем, чем к Гончаровой. Но его визиты в дом Ушаковых становились всё реже. Впрочем, куда чаще предлагается просто поверить Пушкину, наверное, лучше знавшему свою Мадонну, “чистойшей прелести чистойший образец”.

Я не уверен ни в первом, ни во втором. Судя по всему, Екатерина ждала, надеялась. В начале 1830 года она пишет брату И. Н. Ушакову:

“Карс день со дня хорошеет, равномерно, как и окружающие её крепости, жаль только, что до сих пор никто не берёт штурмом — ...недостаток пушек и пороху”.

Слово “пушек” в письме жирно подчёркнуто. Вероятно, случился момент, когда для Екатерины забрезжила слабая надежда, что “штурм” крепости отменяется: Пушкин почти отказался от бесплодных попыток взять “Карс” из-за неладов с “маминькой Карса”. Но... Как отражение настроений — “Ушаковский альбом”. Вот рядом с профилем изображением юной особы в замысловатом головном уборе (явно портрет Натали) ровным женским почерком сделана надпись:

*Любовь слепа среди света
И кроме своего —
Бесценного предмета
Не видит ничего.*

А чуть ниже той же девичьей рукой проставлены инициалы: “Н. Г. ”. Кто автор немудрёных строк, Екатерина или Елизавета, — роли, полагаю, не играет.

Просить согласия на брак с Натальей Николаевной Гончаровой, как известно, Пушкин решил не сам. В качестве свата избрал Фёдора Толстого-Американца, который, как ему было известно, в семействе Гончаровых пользовался немалым влиянием. Когда Пушкин впервые посватался к Наталье, Гончаровы отнеслись к сватовству холодно и, не исключено, лишь их нежелание портить отношения с Фёдором Толстым избавило Пушкина от окончательного отказа. Не менее холоден был и приём, оказанный Гончаровыми Пушкину по его возвращении с Кавказа. И это не домыслы, это его собственные слова:

“Сколько мук ожидало меня по возвращении! Ваше молчанье, ваша холодность, та рассеянность и то безразличие, с какими приняла меня м-ль Натали... Я уехал в Петербург в полном отчаянии”.

Когда всё же после немалого времени маменька Натали соизволила дать согласие, одно за другим стали возникать обстоятельства, как бы говорящие Пушкину: “Одумайся!”

Ключевое из них – безденежье. Нет средств содержать семью. Не на что даже сыграть более-менее приличную свадьбу. За несколько месяцев до первой попытки сватовства к Наталье Пушкин пишет И. А. Яковлеву письмо с просьбой подождать с долгом, мотивируя тем, что он весь в долгах; мало того, “я (между нами) проиграл уже около 20 тысяч... В конце мая и в начале июня денег у меня будет кучка, но покамест я на мели и карабкаюсь”. На помощь родителей рассчитывать не приходится. Все имения семейства Пушкиных заложены-перезаложены.

В конце августа 1830 года поэт отправляется из Москвы в имение своего отца. По пути “в Нижний, то есть в Лукоянов, в село Болдино” пишет письмо другу и сотоварищу по “Современнику” Петру Плетнёву:

“... Милый мой, расскажу тебе всё, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилетнего хуже 30-ти лет жизни игрока. Дела будущей тещи моей расстроены. Свадьба моя отлагается день от дня далее. Между тем я хладен, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни. К тому же московские сплетни доходят до ушей невесты и её матери – отселе размолвки, колкие обиняки, ненадёжные примирения – словом, если я и не несчастлив, по крайней мере не счастлив. Осень подходит. Это любимое моё время – здоровье моё обыкновенно крепнет – пора моих литературных трудов настает – а я должен хлопотать о приданом да о свадьбе, которую сыграем Бог весть когда...”

Не доезжая до Болдино, Пушкин узнал о надвигающейся холере, но назад решил не поворачивать, сказался настрой писать, в просторечии называемый приливом вдохновения. То есть планировал поездку в деревню Александр Сергеевич недели на три – намеревался устроить свои предсвадебные имущественные дела, предстало вступить в права наследства имением. А вышло, что застрял на всю осень – болдинскую. Через месяц шлёт невесте жалобное письмо:

“Наша свадьба точно бежит от меня; и эта чума с её карантинами – не отвратительнейшая ли это насмешка, какую только могла придумать судьба? Мой ангел, ваша любовь – единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка (где, замечу в скобках, дед повесил француза-учителя, аббата Николя, которым был недоволен). Не лишайте меня этой любви и верьте, что в ней всё моё счастье. Позволяете ли вы обнять вас? Это не имеет никакого значения на расстоянии 500 вёрст и сквозь 5 карантин. Карантины эти не выходят у меня из головы...”

Письмо столь жалобное, особенно, когда его автор пишет о любви, которая мешает ему повеситься на воротах печального замка, что жалости, за отсутствием доверия к написанному, как-то не вызывает. Тем более, что знаешь: к этому времени у него на столе лежат стопки страниц, а на них написанные “Гробовщик”, “Станционный смотритель”, “Барышня-крестьянка”, 8-я глава “Евгения Онегина”, “Элегия”. Та самая элегия, где жених в преддверии свадьбы делает горькое пророчество печального будущего:

*...Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнующее море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья:
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.*

И тут самое время сказать несколько слов об эволюции Пушкина-лирика. Она была столь необычайно стремительной, что Юрий Тынянов даже назвал её

“катастрофической”. Заметим, это касается и пушкинской любовной лирики.

В лицейские годы у неё, собственно, два жанра: послание и элегия. Первый развивает мотивы любви – весёлые и игровые – “жизнь быстротечна”, следовательно, “лови мгновение” (слова Горация), наслаждайся дарами богини любви Венеры. Второй жанр оплакивает прошедшую любовь – юношеская вселенская меланхолия.

Двадцатые годы проходят у Пушкина под знаком байроновской элегии. Это чистой воды плач о “прошедшей” молодости и “былых” наслаждениях любви. В стихах этого периода исключительные страсти сквозь слёзы. И страстям этим находят соответствия в мире природы. Безудержным порывам романтического “я” подбираются “соответствующие” природные стихии: шторм на море, ураган, водопады и пропасти, или нечто высокое в природе – горы, небо.

Про пушкинскую лирику второй половины 20-х годов можно сказать, что для неё характерны: на тематическом уровне – драматизм, психологическая сложность, сочетание противоположных чувств, преобладание оттенков и полутонов; на стилистическом уровне – сочетание лаконизма и глубины, скупости выразительных средств и интенсивности лирического переживания. За кажущейся привычностью и традиционностью поэтических образов открывается неожиданная многозначность.

Достаточно перечитать “На холмах Грузии лежит ночная мгла. . .” Бросается в глаза, что традиционная элегическая печаль здесь неожиданно “светла”, слово “грустно” сочетается с “легко”, “уныние”, которое обычно ассоциируется с “мучением” и “тревогой”, – здесь с “ничто не мучит, не тревожит”. Стихотворение приобретает психологическую конкретность, которая выражается тончайшими оттенками и смешением чувств.

И ещё одно открытие Пушкина. Его любовная лирика требует от читателя не только сопереживания, но и размышления. Внимательное чтение “Я вас любил. . .” обнаруживает: в восьми строчках стихотворения два отречения от любви: первые четыре стиха – умиротворённое, последние четыре стиха – взволнованное. Получается, чувства лирического героя нарастают. Возникает скрытое противоречие: сначала поэт не хочет нарушать покой возлюбленной, но далее страстно напоминает ей о своей любви. Последняя строка (“Как дай вам Бог любимой быть другим”) и вовсе драматична: в ней сливаются ревность и самоотречение.

Лирический мир Пушкина, скажет Лидия Гинзбург, акцентирует “единичное, психологически конкретное событие”. И расшифрует:

“Лирическое событие – это не повествовательный эпизод, это некий неповторимый душевный опыт, ставший тем общим опытом, в котором многие узнают себя”.

В тридцатые годы у Пушкина элегия выходит на философский уровень. В только что процитированной “Элегии” тема любви сжимается до двух строк (последнее двустишие), а тема элегического страдания приобретает неожиданный философский смысл: “Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать”. Возникает новый поворот темы – вместо элегического отчаянья и разочарования высказана мудрая надежда, которая позволяет говорить о довольно парадоксальном жизнеутверждающем страдании.

Карантины продлятся ещё два месяца, на протяжении которых к написанному прибавятся “История села Горюхина”, “Каменный гость”, “Пир во время чумы”. В Москву Пушкин вернётся лишь в начале декабря. Заложённое Кистеневое принесло 38 тысяч, из них 11 уходят в долг будущей теще, Наталье Ивановне Гончаровой (урождённой Загряжской), на приданое невесте, 10 тысяч – П. В. Нащокину, тоже в долг, 17 тысяч оставлены “на обзаведение и житьё годичное”.

Шёл Рождественский пост, соответственно, по церковному уставу венчание могло быть только после святок, то есть в следующем году. Снова пришлось ждать.

18 февраля, в день свадьбы, Наталья Ивановна прислала сказать, что всё опять придётся отложить – у неё нет денег на карету. Жених денег будущей теще послал. Решил не тратиться на свадебный фрак – венчался во фраке с приятельского плеча Павла Нащокина. Святитель Филарет, митрополит Московский, настоял, чтобы венчание совершилось в приходе невесты, в недостроенном храме Вознесения у Никитских ворот (Наталья Гончарова жила

неподалёку, на Большой Никитской улице*). Там, в храмовом притворе, где обряд проводился, на решении не останавливаться на полпути, идти до конца — покончить с холостой жизнью и несоответствующим летам положением в свете — и была поставлена финальная точка.

Оглядываясь назад, позволительно сказать, что в период своего бесконечного сватовства им были созданы самые лучшие стихотворения, в которых проявился поэтический гений, преломивший его земные страсти и необузданную чувственность. Это был период, как отмечал пушкинист Б. Мейлах, когда в лирике Пушкина “любовь раскрылась со всеми её радостями и “безумием”, горечью и скорбью — в новой для поэзии диалектике противоречивых чувств”. Как тут не вспомнить слова Гоголя:

“Даже в те поры, когда он метался сам в чаду страстей, поэзия была для него святыня, — точно какой-то храм. Не входил он туда неопрятный и неприбранный; ничего не вносил он туда необузданного, опрометчивого из собственной жизни своей; не вошла туда нагишом растрёпанная действительность. А между тем всё там до единого есть история его самого. Но это ни для кого незримо”.

Слова мудрые, но, вспоминая их, желательно не забывать, что лирика Пушкина вроде бы откровенно автобиографична. Но так ли уж она биографически точна?

* Старый гончаровский дом снесён в конце XIX века, а на его месте появился изящный особняк, в нём сейчас посольство Испании.